

НОВИНКИ
ПОЭЗИИ

Алексей
Чечулин

ВОЗРАСТ ПАМЯТИ

Алексей Чечулин - автор трех поэтических сборников - "Березовое солнышко", "День прибытия" и "Ясногорье", изданных в Свердловске и Москве.

В новой книге поэта вновь звучат основные мотивы его творчества: живая связь с родным рабочим краем, суровые уроки военного детства, благодарная память о людях, не сломленных жестокими жизненными испытаниями. Многие страницы книги отданы лирическим размышлениям о назначении человека и полноте бытия, о возрастающей ответственности за свои поступки и особой ценности доброты и доверия.

Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство,
1987г.

Художник А.В.Вохмин

Чистополье

Сыну

Сад обнажен до пят,
И тополя голы.
Осени в лад скрипят
В доме моем полы.

И на закате дня,
Чувствуя в сердце стынь,
Так же после меня
Станет их слушать сын.

Будет мерцать звезда
Голубоватым льдом.
Будут, как жизнь, всегда
Дерево, детство, дом.

На субботнике

Пот щекочет, сбегая за ворот.
Середина апреля, и мы
На субботнике драим город
После выдохшейся зимы.

Горы хлама, старье, обломки...
А, казалось, был только снег.
И вздыхает город негромко,
Как очнувшийся человек.

День всеобщего вдохновенья.
Свежим воздухом дорожа,
Жадно требует обновленья
Человеческая душа.

По утрам веселей на земле.
Отступает мороз понемногу.
Всходит солнце на талой заре,
Предвещая судьбу и дорогу.

И летит над гаражной стеной,
Где сверкают лихие машины,
Голос дальний и неземной...
Неужели и впрямь журавлиный?

На Черном озере

Дремлет клюква во мху порыжелом.
В Черном озере стынет вода.
Я сюда забреду между делом
В эти ранние холода.

И стою, городская разиня,
Как вернувшийся блудный сын.
Тихо кружится по низине
Лисьим мехом листва осин.

В защиту осины

Березу люблю
За ее вековую красу.
Но, спец никакой
В областях деловой древесины,
Жалею осину,
Не лучшее древо в лесу.
Ну чем же она провинилась,
Сырая осина?
Случается даже,
Ругают осину всерьез,
Читал я недавно,
Мол, истари слава дурная...
Да если бы лес
Состоял из одних лишь берез,
Судьба у березы
Была б совершенно
Иная.

В тайге

Я заблудился.
Был такой момент.
Кругом тайга,
И ни души, ни зова.

И ветер,
Верховой и понизовый,
В один присест
Замел мой след.

Не время было
Уступать печали.
Тайга? Ну что ж,
Она была роднёй.

Она всю жизнь
Стояла надо мной.
А ветры — те,
Что колыбель качали.

Я вышел
На приветный огонёк.
Там лесорубы
Пробивали трассу.

И понял у костра:
Пропасть не мог,
Как свой тайге
По крови и по классу.

Зимняя дорога

Зима. И дышится легко.
Снег бел, не закопчен.
Видна дорога далеко.
И свет со всех сторон.

Мотает кузов на тракту,
И дизель слышит,
Как дятел дышит за версту,
Отважно дышит.

Он расстучался на сосне
В четыре такта.
Вот так работалось бы мне,
Писалось так бы.

Квас принесен тобой,
Он холоднее льда.
Стружки смахну рукой,
Пот уберу со лба.

Будто родился вновь.
Новая жизнь светла.
Это меня любовь
Юностью обожгла.

Радостью — вот она! —
Нынче полна душа.
Буду строгать без сна
Доски для стеллажа.

Стружки — не сосчитать.
Квас — подойдет ко дну.
Что ж ты, природа-мать,
Жизнь мне дала одну?

Нам век отпущен крайне маленький.
Едва ты понял жизнь — прощай!
Ошибки правь, грехи замаливай,
Быть благородней обещавай.

Все это так, но в память врезаны
Слова отцовские давно:
«На все дела не хватит времени.
На добрые хватить должно».

Разрозненные годы...

Как памятны они,
И годы непогоды,
И солнечные дни.

Светили небывало
Мне звезды на заре.
Бывало, прибывало
Косым дождем к земле.

Но било — не прибило.
Я вырос на дожде.
Когда же это было,
А если было - где?

Закаты и восходы.
Живи и не грусти.
Разрозненные годы,
Как зернышки в горсти.

Песня

На прощанье
я сердцем поправил строку.
Ветру дал на рецензию,
полночи выслушал отзыв.

И на волю пустил,
где за солнышком следуют грозы
И не каждый из нас
одолеет подъем на скаку.

В добрый час, моя песня,
счастливого лета тебе.
И быть может, зима
не закроет навеки снегами
И река унесет,
на прощанье взмахнув берегами.
И ты станешь нужна
чьей-то родственной в мире судьбе.

Ты пройдешь на рассвете
у тронутых тиною вод,
Возле старых опушек,
где жаркие травы скосили,
Через сельскую кузню
и через могучий завод...
Только б силы достало —
а там уж что скажет Россия.

Вдохну черемух дым,
Весеннюю усладу,
И буду молодым
Бродить с тобой по саду.

Забытые слова
Приходят очумело.
И кругом — голова,
И на душе — несмело.

Так робость и восторг
И пылкое томленье,
Как юности укор,
Вошли в стихотворенье.

Ворожба

Ворожея мудрила:
— Любовь переходит в привычку...
Верил ей и не верил.
Но минуло двадцать лет.
Почитаю за счастье
С тобою встречать электричку,
Чуть с ума не схожу,
Когда тебя нет.
Может быть,
У кого-то и не задержалась
Та весенняя песня,
Которой просторно в груди.
И живет теперь в доме
Привычная жалость...
От подобной привычки,
Судьба, огради.
Мне, наверно,
Короткая выпала спичка,
И дрожу, как Кащей,
Над любовью твоей.
Ворожея мудрила:
— Любовь переходит в привычку...
Я бы мог ей поверить,
Но ты
Не поверила
Ей.

Люблю тебя и пылко и нескладно.
Как в юности. Наверно, оттого,
Что рядом ты —
и все на свете ладно.

А нет тебя —
не надо ничего.

О, скорых лет и горечь и услада,
Продлитесь и во сне и наяву.
Любить тебя —
и ничего не надо.

А не любить —
тогда зачем живу?

Начало жизни

Никогда не повторится это
Ливнями пронизанное лето.

Тени на сиреневых кустах,
Шумное столпотворенье птах.

Никогда не повторится это
Голов кружение от света.

Вынесли ребенка на порог —
На ручонке метка — номерок.

Никогда не повторится это
Счастьем переполненное лето.

Ночное

Желание загадывать не стану,
Когда в ночи обрушится звезда,
Как чья-то жизнь,
Надежда
 и судьба,
Вселенной ставшая
Не по карману.

То жертвой,
Обреченной на закланье,
Возможно, целый мир
Ушел во тьму.
И не понять сознанию моему
Отливы и приливы
Мирозданья.

Порою верю в черную примету
И говорю, к приметам добрым глух:
- Вселенная, не вырони из рук
Созревшую, как яблоко, планету.

Желание загадывать не стану.
Оно давно
Загадано людьми.
Быть миру, травам,
Птицам, океану,
И вечно быть негаснущей
Любви.

Окраина — в рябине,
А та уже красна.
В ажурной паутине
Подстанция видна.

Мой пригород цехами
Зажат со всех сторон.
Могучее дыханье —
Промышленный район.

Здесь улочки впритирку,
Аптека, детский сад...
Спецовки после стирки
На пустыре висят.

Звенели косы

Полян брусничных нестерпимый пыл,
В кустарнике томленье коростеля.
Земля родная,
 я ли позабыл,
Как шли на зорьке
 ранние артели!

Какие травы вымахали в рост!
Наверное,
По щучьему веленью.
И замирали
Полукружья кос
Перед зеленым войском
В изумленьи...

И вновь звенели, лето подкосив,
Не зная без причины остановки.
И мой отец на целый коллектив
На белом камне отбивал литовки.

Не виноват, земля, перед тобою,
Не потревожу совести и трав.
Так подскажи,
Ну в чем же я не прав
И почему
 качаю
 головой?

Гармошка затихает. Навсегда?
А я не верю в это как ребенок.
Да что ребенок, нынче он с пеленок
С магнитофоном не разлей вода.

Когда умолкли дальние басы —
Закончились веселые вечерки.
Сдается мне, что русские девчонки
Внезапно поубавили красы.

Не призываю слезы лить о том.
Посконною не мучаюсь тоскою.
И тоже принимаю жизнь такую...
Но музыка-то, музыка при чем?

Утонул по колени наш дом.
Никогда не просохнет распутица.
Говори, говори мне о том,
Что черемуха скоро распустится.

Ранний свет, как надежды посол,
Прорываясь сквозь темень и грязь,
Неожиданно в окна вошел
И остался, в душе растворясь.

Все больше лет,
И все дорога круче.
С друзьями встречи
Реже и грустней.

Все больше
Полагаемся на случай,
Все меньше на себя
И на друзей.

Но по весне,
Когда взорвутся почки,
Вдруг соловей
Ударит наобум,

Прорежутся, как вскрик,
Под сердцем строчки
И никуда не денешься
От дум.

Наказ

Наказывал мне батя строго-настрого:

— Писать пиши, но дело разумей,

Пошел бы в горный,

Стал бы добрым мастером,

Единственный в породе

Грамотей.

Впервые я послушался совета,

Как будто бы затмение нашло.

И стало меньше мастером на свете,

Чтоб подмастерьев выросло число.

Отец, я знаю, не желал мне глаже

Тропы, что сам изведаль на веку.

Но и у музы

В подмастерьях даже

Не легче быть,

Чем мастером

В цеху.

Звезда

Звезда, звезда,
Не гасни раньше лета.
Вот сенокос наступит —
И тогда
С тобою мы
До зореньки, до света
Припомним
Все ушедшие года.

Звезда, звезда,
Не падай раньше срока.
А если упадешь —
К тому холму,
Где в зарослях
Рябины невысокой
Другая светит
Сердцу моему.

В грозу

А небо стало
Темным в полчаса,
Обрушившись
На горы и леса.

Гроза основы
Мира потрясала.
И от ее волшебного
Кресала
Невидимая сила
Воскресала,
Распарывая с треском
Небеса.

Хватило бы воды
На океан,
А ливень рушился,
Неудержим и пьян.
Он низвергался
С вышины потоком,
Озоном полон
И электротоком.

После такой грозы
Да быть жестоким?!
После такой грозы
Да впасть в обман?!

Исполнилось сорок, и больно.
Об этом не знал наперед,—
Побыл молодым и довольно,
Всему наступает черед.

Другие приблизились сроки,
Другие слова родились.
И более жестко и строго
К ответу нас требует жизнь.

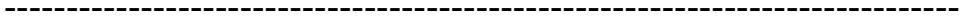
Ну что же, и с этою темой
В раздумьях ночных подружусь.
Своей корневою системой
Все крепче за землю держусь.

Из юности

Скользит яйцо по праздничному блюду,
Подвластное старинной ворожке.
Я больше юность вспоминать не буду,
А значит — позабуду о тебе.

Забуду все: высокое крылечко,
Скобленный мелкой теркою порог.
И на руке враждебное колечко,
Которое я снять тогда не смог.

Забуду буйство ночи соловьиной,
В пречистых росах чуть приметный след...
Но как забыть, что ты была любимой
И вот приснилась... через столько лет!

Любимая, обидная моя!
Мне холодно осенними ночами.
Какие степи, горы и моря
Опять легли разлукой между нами.

И незачем тебя тревожить авиа,
Так суждено, судьбу не укоришь.
Я как стихотворенье без названия,
А ты названье знаешь — и молчишь.

Быть одиноким —
Это не хитро.
Вот на миру попробуй
Поживи-ка.

Тебе — добра наперсток,
Ты — ведро,
Тебе репей —
А ты вернешь гвоздику.

Но эту мудрость
Я не брал в расчет...
Теперь душа моя
Прощенья просит.

И яблоня,
Когда в саду растет,
Становится щедрей —
И плодоносит.

Чистополье

Чистополье.

Белое и вечное.

В чистом поле

невозможный свет.

Крикнешь утром —

донесется к вечеру

Эхо беспокойное

в ответ.

Художник

*Памяти
Николая Михайловича
Аввакумова*

Мир искусства раздирают споры.
И секрет для классиков иных,
Что в Асбесте
 мальчик есть,
 который
Встанет вровень
 с лучшими
 из них.

Век двадцатый
Весь еще в начале...
На рисунке —
Ясен и велик —
Край Урал,
Где долгими ночами
В мастера выходит
Ученик.

Яростные очерки Магнитки,
Дерзких домен отсвет грозовой.
Я среди братвы незнаменитой
Узнаю его вихор лихой.

Слава — что?
Коль есть на то причина,
Перекроет и железный гул.
Именно с Урала,
 как с вершины,
В Третьяковку
 мой земляк
 шагнул.

Илья

Он жил по соседству, сапожник Илья.
С утра молоток тук-тук...
У дядьки и пенсия и семья,
Он всем закадычный друг.

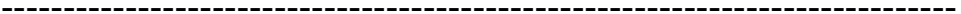
И знал весь двор наизусть рассказ
О том, как в мадьярской земле
Илья командира от смерти спас,
За это — медаль Илье.

Он обувь тачал на любой фасон
Рукой, привычной к добру.
Вдовам за так, приговаривал он:
— С солдатских жен не беру.

И бабы платили ему молоком,
А мужики — махрой.
Но все неуверенней молотком
Стучал чеботарь седой.

Все реже он вспоминал старину,
Все чаще он повторял:
— Всего-то сходил на одну войну,
А две ноги потерял.

На белом — черные деревья.
На черном поле — белый снег.
И в отдалении деревня
Притихла, точно человек,
Что в ожидании тревожном
Притока неизбывных сил
Задумался о невозможном,
Когда возможное свершил.

Ты ли шепнула: «Здравствуй!»,
Я ли сказал: «Привет!» —
Словно яблоко красное
Прокатилось в траве.

И полыхнули осинки,
Грозь запалить стога.
Наши с тобой тропинки,
Наша с тобой судьба.

Поймать во времена быстротекущих
Забывтый лад осенних вечеров,
Блистание луны в небесных куцах —
И снова ты, как в юности, здоров.

И что тебе забвенье или слава!
Трояк бы до полочки — вот вопрос.
Такая ждет у проходной любава,
Что сам себе завидуешь до слез.

Сердце

На севе прихватило сердце —
Сказались годы, тракторист!
Шел трактор сам,
Работник честный,
Уже на собственный свой риск.
А там,
Куда тянула скорость,
У разветвления дорог,
За жизнь свою не беспокоясь,
Обновку мерял тополек.
Что в нем,
Единственном на поле?
Но, в смертный миг открыв глаза,
Уже не мучаясь от боли,
Сполз человек на тормоза.

Последняя метель

Задремав на несколько недель,
Вдруг очнулась матушка седая.
Вот она,
Прощальная метель!
Вот она,
Разгульная какая!

И пошла, поехала бело,
В караулы выставив заносы.
Что ж ты,
Знаменитое бюро?
Где вы,
Сердцу милые
Прогнозы?

Холодит метелица дома,
Снег прощальный щедро раздавая.
...Лишь под утро унялась зима,
И настала тишина большая.

Как и раньше,
Как и будет впредь,
Все отныне
Веселей и проще.
Мало кто заметил,
Что на смерть
Шла зима
В березовые рощи.

Старая,
Как бабушка моя,
Сгорбленная бедами и веком,
Шла она,
И, чувства не тая,
Я простился с ней,
Как с человеком.

Сколько разного в сердце
С годами по праву поместится —
И дорог, и судеб,
И оборванных снов, и любви!
В небесах надо мной
Ятаган азиатского месяца,
Под ногами иголки
Опавшей до срока хвои.

Кто мы в этом безбрежном,
Затерянном в космосе мире?
Что от нас бытию?
Пишем жизнь, торопясь, набело.
Но порой даже в комнате нашей,
Что три на четыре,
Нам, как в космосе, пусто,
И холодно, и тяжело.

Печь

Ладил мастер ее на совесть:
Разгорится смолье едва,
И за печь я не беспокоюсь,
Лишь потрескивают дрова.

Посижу у открытой дверцы,
Разговаривая с огнем.
И не станет тревожиться сердце
Этим пасмурным зимним днем.

От невзгоды меня спасая,
Доброты дорогой не тая,
Греет душу мне радость живая,
Няня каменная моя.

Я усну, а за мною следом
Отшумит она, отпоет.
И забудем опять, что с летом
Одиночество настает.

Когда земля уже насквозь промокла,
Илья-пророк отбросил автоген.
Гроза ушла и засияли стекла,
Кусты легко приподнялись с колен.

Полезла буйно в рост земная сила.
Нет, не в чем нам природу укорить —
На что крапива,
 а и та красива,
А что уж о сирени
Говорить!

Дворняга

Достойней иная дворняга
Породистой шавки любой,
Хотя и не знает, бродяга,
Своей родословной, но в бой
Бросается — жизни не жалко, —
Обидчик получит свое.
И тут уж ни корму, ни палке
Душа не подвластна ее.
Да вот, посмотрите, осанка,
Другой такой век не сыскать!
Дворняга несет, как дворянка,
Мехов золотистую статью.
И с завистью пучатся мопсы
Из самых роскошных квартир,
Уж им никогда не придется
Так вольно обнюхивать мир.

У запруды

В деревянную грудь запруды
Многотонная бьет вода.
После цеха пора остуды
Мне запомнится навсегда.

Разрезаю с разбега волны —
Обжигающий холодок!
И дышу синевою вольно,
На горячий упав песок.

Хорошо,
Скинув с плеч усталость,
Быть с природою заодно.
В пряжу леса,
Гудком прощаясь,
Входит поезда
Веретено.

Не сторонний и не прохожий,
Знаю высшее торжество —
Ясно чувствовать, день итожа,
С милой родиною родство.

Так лежу посередке лета,
Глупый, радостный, молодой,
Семь горячих часов за это
Смене выплатив заводской.

В смене солнца

Поеживаясь зябко,
 гаснут звезды.
Горбатый месяц
 тонет в глубине...
И шум карьера,
 переполнив воздух,
Гуляет
 по заречной стороне.
Все ж веселей
 работается утром:
Буренок к солнцу
 гонят пастухи.
Горланят им вослед
 в тумане мутном
На Пролетарке сонной
 петухи.
Я в смене солнца
 потрудился тоже,
Недосыпал,
 но все же не зачах.
Ах, юность, юность,
 нет тебя дороже —
Я выросал
 у солнца
 на глазах!

Подмороженные звезды
Чуть поболее мурашат.
Отдает пылью воздух,
Словно сено ворошат.

Так и тянет летом остро
На исходе ноября,
Что задумчиво и просто
Ходит, стежки серебра.

Год за годом...
Никакой пощады.
Вот уже и в дедушки
Гожусь.
Молодильных яблок
Мне не надо,
От живой воды
Не откажусь.

От колючей,
Быстрой, родниковой,
Бьющей из-под камня
На лугу.
Пробую — и кажется обновой
Каждый день,
Что я прожить
Могу.

Письма с дороги

Зимний день

Светает. За окном уже видны
В тумане прошлогодние остожья.
«КамАЗы», пробираясь осторожно,
Увозят в кузовах чужие сны.

И новый день ступает на просторы.
В его судьбе размеренной ловлю
То, что в хороших людях я люблю,—
Неторопность, душевность разговора.

И жаль опять, что дню недолго длиться,
Что все ему предсказано уже.
Наверное, поэтому в душе
Надолго остаются встречных лица.

Северный ветер

Северный ветер крепчает.
Мерзнут рябины кусты.
Жаркою кружкою чая
Холода не отвести.

И на душе студенее,
Словно известно душе,
Что-то случится и с нею.
Может, случилось уже?

Эти озерные сини,
Эти таежные сны...
Алые гроздья рябины,
Темная зелень сосны.

Северный ветер крепчает.
Ярче рябина горит.
Миру душа отвечает,
Вот почему и болит.

Май в Нижнем Тагиле

Уже цвела черемуха воздушно.
Дождь молодой переполнял кадучки.

На сорок дней — вот это отпуска! —
Спешил на юг народ с НТМК*.

Был город разноцветным, многозначным.
В пруду старинном серебрилось дно.
И девушка под плащиком прозрачным
Так хороша с букетиком невзрачным,
Что не влюбиться было бы грешно.

И три горы, как три кита библейских,—
Высокая, Лебязья, Благодать,—
Несли Тагил в лесах и перелесках,
Не в силах на приколе удержать.

*НТМК - Нижнетагильский металлургический комбинат

За Турой, за Камой, за Тоболом
Следую я, лебедь, за тобою.
Следую, как жажда за водою,
Как за путеводною звездою.

Слушай, зачарованная птица,
Прежде чем в тумане раствориться,-
Хоть поверье это и старо,—
Оброни неслышное перо.

Подарю любимой, но не любящей,
Чуждого да пришлого голубящей,
Чтоб она по нынешней весне
Вдруг затосковала обо мне.

Так затосковала, что невмочь,
Чтоб ей было некому помочь,
Чтоб она вослед пошла за мной,
Как за путеводною звездой.

Как теперь хожу я за тобою
За Турой,
За Камой,
 за Тоболом.

Благодать-гора

Пронзительная синь
Небес над головою.
Живу, горняцкий сын,
Под Благодать-горою.

Магнитный этот край
Совсем не рай, конечно,
Зато нам хватит, знай,
Железа здесь навечно.

Хранит Хозяйка клад
В сокровищнице темной.
Но сердце бьется в лад
С машиною подъемной.

Как ранние снега
В окрестностях зеленых,
Черемухи пурга
Бесчинствует на склонах.

Шального соловья
Гремят в ночи рулады.
Богат всем этим я.
Ну что еще мне надо?

Немногое. Чтоб лист
Не изводить напрасно.
Чтоб дети удались.
И будет все прекрасно.

А ты уж не покинь
Ни летом, ни зимою,
Пронзительная синь
Небес над головою.

Здесь и небеса
Как будто около.
В рыжей дымке
Благодать-гора.

На ее вершине
Только соколы
Выше звезд
Горняцкого копра.

Здесь живем,
Руду даем на свет.
Над мартеном пламя
Полыхает.

Враг может мне
Переломить хребет,
Но об Уральский
Руки поломает.

Моря пыль седая

Волны ходят налегке.
Тают постепенно.
Остается на песке
Розовая пена.

На пространство зол мотор,
Катер молодчага!
Начинается простор,
Море и отвага.

Только волны, только свист
Ветра над кормою.
Жми, Серега-моторист,
Чешское — за мною.

Оседают на висок
Моря пыль седая.
Мы летим, наискосок
Зелень вод пластая.

Поднимались высоко,
Опускались низко.
То, что было далеко.
Стало очень близко.

Деревянный ждал причал.
Шатко на причале.
То ли берег нас качал,
То ль его качало...

Джалинда

Джалинда. Поселок неброский.
Амурская ходит волна.
А там, за рассветной полоской,
Темнеет чужая страна.

Такие же сопки и воды.
И тот же
Багульника цвет.
Но, кажется мне,
В той природе
Души, как на родине,—
Нет.

Под эти
Пахучие гроздья
По эту мне сторону
Лечь,
Где истинно
Красные звезды
И плавная
Русская
Речь.

А большего мне и не надо —
Была бы родная земля!
Джалинда. Морская бригада.
Короткая юность моя.

В вагоне

— Ах соседка моя, Светка,
Светка — мамочкина дочь! —
Пел солдат в ушко соседке,
Ей понравиться не прочь.

Поезд шел вблизи Тамбова,
А у ней в Тамбове дом.
Ничего в том нет такого,
Пригласи она: «Сойдем?»

Подмигнет деваха, дескать,
Так, солдатик, молодцом!
А сама совсем по-детски
Точит зубы огурцом.

— Ах, соседка моя, Светка! —
Громче парень голосил.
Ну, теперь держись, соседка,
Отказать не хватит сил.

Но сошла, сошла, залетка,
Не дослушав до конца.
И охрипла сразу глотка
У армейского певца.

Хоть и песня небогата,
Хоть про мамочкину дочь,—
Весь вагон жалел солдата,
Да ничем не мог помочь.

А он всего-то не был дома —
Два года не был-то всего.
После разлуки незнакомо
Смотрела мама на него.

И он едва ли сразу понял,
Едва ли понял до конца,
Что маме он сейчас напомнил
С войны пришедшего отца.

Зимник

Ночь густая, а кедры белые.
Обь покоится подо льдом.
Из Надыма, осоловелые,
Прем по зимнику напролом.

Наш «Урал» на ухабах валится,
Чуть промешкаешь — и хана.
И забудь, как мы целовались,
Молодая моя жена!

В свете фар возникает заяц.
Не мешай, косой, уходи!
Триста верст одолели за ночь,
Сколько их еще впереди?

За долами и за лесами
Стынет газовой трассы край.
И хрипит мне водитель Саня:
— Не давай заснуть, не давай...

Спор

Восточные мотивы

Друзья-поэты, истины твердя,
Зашли ко мне укрыться от дождя.

У них шел спор о смысле бытия.
Сказал один: «Послушайте, друзья,
Такое счастье нам судьба ссудила —
Любовью бесконечной наградила,
Чтоб жить любя и долгие года
Писать стихи, от радости сгорая,
И расставаться с милой навсегда,
Когда она придет, любовь другая.
Сходить с ума от женского укора
И соловьем от жадной страсти петь,
Испить всю чашу радости и горя,
А там не жалко будет умереть».

Он явно был лирический поэт,
И у меня к нему вопросов нет.

Другой сказал: «Ты прав, любовь нужна.
Но счастье — это мир познать сполна.
Зачем деревья тянутся к звезде?
К чему в зените ласточки летают?
И почему на сумрачной воде
Прекрасные цветы произрастают?
В горах померзнуть, отойти у моря,
От красоты степей раздольных петь.
Испить всю чашу радости и горя,
А там не жалко будет умереть».

А это говорил поэт-философ.
Не появилось у меня вопросов.

Промолвил третий: «Ах, оставьте спор,
Труд — наше счастье с первобытных пор.
Когда к столу сажусь, светлеет мрак,
Веду стихи в победные сраженья.
Пока восход мне не подаст свой знак,
Тружусь счастливо до изнеможенья.
Встречать в работе утренние зори,
От немоты впасть в ярость и запеть.
Испить всю чашу радости и горя,
А там не жалко будет умереть».

Прости, певец горячего труда,
И тут я не скажу ни «нет», ни «да».

Мне думается, все правы, друзья,
Но каждый прав частично; знаю я —
В том счастье, чтобы женщину любить,
И до забвенья полного трудиться,
И в самый тяжкий час не позабыть,
Как, ошалев от лета, свищут птицы.
Чтоб с родиной все беды переспоря,
На ветровом наречии запеть.
Испить всю чашу радости и горя,
А там не жалко будет умереть.

Старому другу

Мой кореш старинный Женька Мягков,
Поэт и библиофил,
Цеплял к тепловозу
Состав облаков
И на станцию Чу
Тащил.
Душа у него на стихи легка —
На письма тяжел дружок.
Но я все равно
Узнаю
 облака,
Плывущие на восток.

Все так же несут
В степи поезда
Уголь,
 лес
 и цемент.

Да здравствуют
Жаждающие труда
чу,
 Чиганак,
 Чимкент!

И подбирают в пути машинисты
Светофоровые мониста.
А на станции Чу
Каждому по калачу
И по арбузу
В при-
 да-
 чу!

Зеленый базар в Алма-Ате

Базар базарит глоткой жаркой.
От яблок ломаются ряды.
И пахнут горькою аракой
Алма-атинские сады.

Халаты, ишаки, торговки...
Непостижимый говорок.
Преподается очень ловко
Экономический урок.

Тут юбок яркие восторги,
Скуластых щек малинов цвет.
Такое
 только на Востоке:
Еще
 эскиз —
Уже
 портрет.

Подарок

Как степь азиатская, жарок,
С косынку размером, цветной,
Работниц «Трехгорки» подарок,-
Храню календарь расписной.

Ах память! На ткани узорной,
Коням богатырским родня,
Красуются, красный и черный,
Два великолепных коня.

Играя,
Как будто пророча,
Огонь высекают
До звезд.
Я в символы верю не очень,
Но если уж верю —
Всерьез.

Мне все
В этот год удавалось.
Я был искушен
В волшебстве.
Доныне нечастая радость
Со мной состояла
В родстве.

Любимая пуще любила,
Работалось как никогда.
Природа со мной говорила,
И обходила беда.

Я видел:
Волшебные кони
Огонь высекают до звезд.
Да так,
Что засохшие корни
Стреляют побегами
В рост.

Но это продлилось недолго —
И новый родился январь.
Спасибо, спасибо, «Трехгорка»,
За твой огневой календарь.

Обязан ему я не сказкой.
Не раз еще вспомнится мне,
Как с лучшей бригадою ткацкой
И жил и дышал наравне.

Качканар

На седой Качканар,
Моя юность,
Опять поднимись.
Вот он, север таежный,
Все реже глухие тропинки.
Моет платину прииск
На речке по имени Ис,
Где в дремучей грязи
Светлячками
Мерцают крупинки.

Там смывает обманку
Тугая речная струя.
Я и сам попадал под нее —
Подводила усталость.
И слетало наносное,
Словно сухая хвоя,
И дышалось легко,
Будто заново жизнь
Начиналась.

На седой Качканар,
Моя юность,
Опять поднимись,
Где пылают костры
И лопаты взлетают, звеня...
Хорошо, что на свете
Есть речка по имени Ис.
Только к ней припаду —
И смывает обманку
С меня.

Торопится душа

Пройдя через круги десятилетий,
Душа, полна ушибов и отметин,

Торопится туда, где берег топкий,
Что связан с отчим домом узкой тропкой.

Вот-вот он, дом, он встанет на угоре
Тебе на счастье, недругу на горе.

Накрывшийся позеленевшим тесом,
Он встретит, знаю, непростым вопросом:

«Зачем бежал отсюда, проклиная
Унылый кров и скудость каравая?»

О молодость! О глупость! А теперь
Торопится душа нащупать дверь.

Торопится, торопится до боли.
...А где был дом, там свищет ветер в поле.

Воспоминания об армии

Где теперь ты, Женька Караваев?
Колька Чмырь, куда ты запропал?
«Наша юность — почта полевая...» —
Так когда-то по ночам писал.

И со сцены клуба полкового,
С одобренья сверстников своих,
Я читал — и вроде бы толково —
В карантине сочиненный стих.

Господи, а сколько же нам было?
Не было и полных двадцати.
Впереди — армейское горнило
И полжизни надобно пройти,

Чтобы письма друга открывая,
Друга по махорке и броне,
То, что юность — почта полевая,
Осознать как следует и мне.

В запас

Жизнь испытала нас как нужно -
Был тяжек марш, суров устав.
Мы покидали место службы,
Что впереди погранзастав.

Когда товарный
Пробежал по Польше
И показался Брест,
Его сады —

Не то что там по ордену,
Побольше,—
По родине досталось
За труды.

Юрмала

Презрев запрет пансионата,
Смешав с углем сухой опил,
Я печку жаркую топил.
На дождь Прибалтика богата...

А за стеной шумело море
И легкий бриз косил волну.
Курортный город шел ко сну
И вот затих неслышно вскоре.

Одна голландка сноп лучей
Бросала яростно на стену.
Так мы с тобой познали цену
Сырых готических ночей.

Вели каштаны за окном
По-стариковски разговоры.
Об эту пору только воры
Да кошки и старинный гном

Могли шуршать листвой в саду,
На время приглушив опаску.
Но первый гром ударил в сказку
И начал долгую страду.

Боролись в доме свет и хмарь.
Дрожали стекла, и спросонок
Звал маму за стеной ребенок.
А в печке плавился янтарь.

Сибирский тракт

Созревшие поля. Зеленые дубравы.
Сибирский тракт с утра машинами забит.
Мне путь не выбирать, налево или вправо;
Прямехонек мой путь, с годами не забыт.

Сперва аэропорт, затем село большое.
А там уже встает за соснами АЭС.
О, сколько раз спешил домой с душой больной,
Как язвенник на юг, как волк в заветный лес.

Пронзителен и чист голубоватый воздух.
Глаза следят невольно кружение листа.
Как схваченные жаром, рябины тонут
в гроздьях.
И реченька Грязнушка до глубины чиста.

Всего-то... Но уже становится на место
Первоначальный смысл судьбы и бытия.
А как иначе жить — кому это известно?
Сибирский тракт. Раздолье. Родина моя.

Как сладостно
У отчего порога
Прижать к пробою
Жаркое лицо.

И непривычно вдруг
Заноют ноги.
Как долго шел!
Как высоко крыльцо!

Время

Да, я знаю,
Время не вернется,
День не повторится никогда.
Но ведь снова мама у колодца,
А в колодце светится
Вода.

Память детства,
Словно сруб бездонный,
Год послевоенный не забыт.
От воды колодезной
Студеной
До сих пор меня
Слегка знобит.

Только миг.
А миновали годы.
Ясно обозначились пути.
И открылось —
Есть взаправду воды,
В кои дважды не дано
Войти.

Возраст памяти

1

Вот и наше поколение,
В мир пришедшее в войну,
Повергается в волнение,
Заприметив седину.

Все тревожней стуки сердца,
Будто кто его загнал,
Это знать дает из детства
Первопамяти сигнал.

И другой причины нету.
Да, военный год
Далек.
Но никак
Не канет в Лету
Иждивенческий
Паек.

Как же было?
Время, дай мне
Туго скрученный клубок,
Чтобы, прикоснувшись к тайне,
Я припомнить точно
Смог
Час один из жизни давней.
Сумрак в рубленой избе.
Светит месяц
Из-за ставня,
Намечая путь
Судьбе.

Как примета всенародной
Неожиданной беды —
На столе, сырой и плотный,
Хлеб с добавкой лебеды.

Брат с двенадцати в забое,
Мать из цеха, чуть жива...
Вот откуда мы с тобою.
Вот какого мы родства.

Память.
Нет вернее средства
Разглядеть порой ночной,
Что мы тоже,
В раннем детстве,
Были мечены
Войной.

2

И видится снова картина:
Толпимся на ранней заре
У хлебного магазина
При жиденьком фонаре.
Мальчишки, старухи, мужчины,
Цыганка — вся грудь в серебре...

А в парке старинном напротив
Кругла «сковородка», над ней
Причудливы сонмы теней.
И ждет «сковородка» фокстротов.
Весь город фокстротов не против,
Но хлеб — он пока что важней.

Толпимся, и вот уж светает,
Веселое солнце взлетает.
И бабушка, ей шестьдесят
(«Да сгинут ворюги! Свят! Свят!»),
Сухою рукою хватает
Меня за тряпичный подклад.

Там карточки ею защиты:
Ребенок, мол, что с него взять...
Наивна, конечно, защита,
Лихому жулью ли не знать,
Где верной добыче лежать.
Ишь, все поголовно обриты...

И бабушка глаз не случайно
Не сводит с кофтенки внучка,
Страх взял и меня, мужичка, —
Пугаюсь толчка и тычка.
Но эта семейная тайна
Еще не раскрыта пока.

И вдруг показалась подвода,
Дух хлеба витает вокруг.
От самого хлебозавода -
На радость честного народа
(Ты чувствуешь, недруг и друг?) —
Прет запах, горяч и упруг.

И возчик, как бог, подбоченясь,
Еще не запойный с утра:
— А ну, отвали, мошкара!..
Аж сводит от запаха челюсть,
И мы, на крылечко нацелясь,
Летим оглашенно — пора!

О, сколько минут долгожданных
Теряет толпа в толчее.
И я, как песчинка в ручье,—
Я хрупок, нет нынешних данных,
И бабушка в выкриках странных
На чьем-то всплывает плече.

И вот наконец-то прилавок,
Прилавок главнейшей из лавок,
Где гирьки затерты до блеска
И чаши весов так легки...
Теть Валя небрежно довески
Роняет с красивой руки.

Сжимает нас очередь туго.
В кошелке — пяток килограмм.
Так много? А я вам открою —
Нас восемь, работают трое.
Пускай попадетсЯ бандюга,
Задешево хлеб не отдам.

Год сорок седьмой, ты не сирый.
Недавно, но бита война.
С ударными «майной» и «вирой»
Встает из разрухи страна...
А бабушку звали Глафирой,
Графидой — считала она.

А имя старинное это
По-гречески — стройная. И,
Графида, ты бабка поэта,
Целую я руки твои,
На многие-многое лета
Отсрочив признание в любви.

Копаться в мусоре задача дня?
Важнее, что ли, нет у нас вопросов?
Но разговор
С шофером у меня
Об этом шел...

От гнева розов,
Он каждый день ведет мусоровозку,
Как водят их в Москве, Баку,
Свердловске...
И сколько хлеба — боже упаси! —
Народ, насытись, утерев усы,
В бачки бросает,
Набираясь лоска...

И я, бывало,
Выносил в отходы
Засохший хлеб.
Как стыдно мне
Сейчас.
Ужели память
Бедственного года
Отшибло напрочь
Сытостью у нас.

Скоту на корм —
Батоны и буханки...
Прости наш грех,
Блокадный Ленинград!
Он не простит —
Там вопиют останки
На Пискаревском...

Страшен, как снаряд,
Летящий прямо в цель
Неумолимо,
Ржаной, пшеничный,
Ситный, золотой.
Читатель, стой,
Да погоди же, мимо
Идешь строки,
Подсказанной
Судьбой.

Мы в этот мир
Пришли не ради славы.
Вот труд, вот хлеб,
Вот счастье — на порог.
И беды Родины
Никто забыть не вправе,
Как скудный
Иждивенческий
Паек,
Которого кому-то
Не досталось
В тылу,
На фронте,
На блокадном льду...
И гибла юность,
Угасала старость.

Я по воспоминаниям бреду.

4

Потсдам, обитель королевская.
Олени бродят перелесками.

Велосипедные компании,
Ночные бары и такси.
И женский голос
С придыханием
В густых аллеях
Сан-Суси.

Прикрыв глаза, услышу даже,
Какая музыка плыла.
В шестидесятых здесь на страже
Сурово молодость прошла.

Познал я скорбную дорогу:
Все чаще пульс, короче паузы.
Он был совсем неподалеку,
Тот самый лагерь
Заксенхаузен.

Я видел это царство страха,
Вобравшее сто тысяч жертв.
Здесь даже воздух —
Память праха
Болит,
Как обнаженный
Нерв.

5

И снова год мелькнул, как станция.
Не знаю, что со мною станется.
Но в горле горечь холодка —
Вкус драгоценного пайка.
Таким он был.
Таким останется
Отныне,
 присно,
 на века.

6

Хочу, чтоб ты, мой сын, мой маленький,
Не забывал,
Как нас с тобой под сердцем матери
Враг убивал.
Он столько в рейхе нам настроил
Концлагерей.
Он столько нам с тобой устроил
Очередей.

7

Идем по лугу, колем пятки
О высохшую лебеду.
У сына острые лопатки,
Как будто крылышки, в ходу.

О, как он мал еще и тонок,
И мне не верится пока,
Что этот мальчик, мой ребенок,
Соединит собой века.

Да что века - тысячелетья,
Непостижимые уму.
— Благословляю жить на свете! —
Шепчу я сыну своему.

Благословляю жить на свете!
И рожь качается вослед.
Есть в русских деревнях примета —
Тем дольше жизнь, чем выше хлеб.

И все-таки порой ночью
Задумываюсь иногда:
Не ждет ли сына, вслед за мною,
Паек, в котором лебеда?

8

Рефтинская заводь в осоке.
Костер догорает, искря.
Встает,
Разгораясь с востока,
Очередная
Заря.

Родные неспешные воды
Нашептывают в полусне
Про самые лучшие годы,
Которые выпали мне.

Про самые...
Лучше не может,
И лучше не будет
Уже.
И я понимаю тревожно,
Доверясь, как в детстве,
Душе,
Что есть и у памяти
Возраст,
Когда начинаешь -
Пора! —
Платить и за хлеб
И за воздух
По высшим расценкам
Добра.

Снежный свет

Видеть хочется чаще,
Хоть глазком, на бегу,
Все, что водится в чаще
И растет на лугу.

Эта тяга сильнее
С каждым годом и днем —
Всю вместить не сумею
В малом сердце моем.

Куда же ты, мальчишеская смелость?
За сорок переваливает вдруг.
И чувствуешь в душе оцепенелость,
Которая похожа на испуг.

Так перед первым плаваньем далеким
На берег взглянет искоса матрос.
Так речка затоскует по истокам,
Когда сожмет в объятиях мороз.

В полночь

Июньская светлая полночь.
И бабка в соседнем саду,
Склоняясь над грядкой, хлопочет,
Выпалывая лебеду.

Сдается мне, бабка довольна:
Внучата давно уже спят,
Работа по сердцу, давление
Пошло, вероятно, на спад.

Сноха поутру удивится —
Свекровка еще в моготе...
И бабка почти что девицей
Порхает уже в темноте.

Щедра наша жизнь на уроки.
Отныне на том и стою:
Хоть полночь, хоть близятся сроки -
Но делай работу свою.

Настроение

Оживают сады, полыхают костры в огородах
Старый мусор сгорает, и пряный возносится дым.
Комары-сороходы, опробовав ноги на водах,
Устремляются в город, и каждый еще невредим.

Нету дней веселей для души, полоненной зимою.
Хлорофилл наполняет младую листву до краев.
Май безбожный, что делаешь нынче со мною?
Вот возьму и влюблюсь, ошалев от весны и стихов.

Жаждет трепетно пашня рассыпчатых зерен.
Воздух синий как небо, и с небом сливается дым.
Мир счастливый такой, он на тысячелетия просторен.
Что бы сделать еще, чтобы он оставался таким?

Деревья

Да, леса уже не те, что прежде,
Впору называть их — острова.
В том, что стали наши рощи реже,
И моя повинна голова.

Каяться не буду, да и поздно:
На земле и сам не задержусь.
Но, когда грохочут лесовозы,
Снова душу холодит мне грусть.

Сторожись уж тут — не сторожись,
Но куда от горькой правды деться:
Я сажал деревья только в детстве,
А дрова рублю
почти всю жизнь.

Два тополя

Сентябрь.
Погода редкостно суха.
Два тополя,
Я их запомнил с детства,
Видны насквозь
У зданья горсобеса,
Как схваченные
Мастером штриха.

Неповторимо
Совершенство их.
И северная статья
Не знает равной.
Два тополя.
И небо — на двоих.
И каждая травинка
В роли главной.

Прохожий,
Мы не в Греции с тобой,
Но посмотри,
Замедлив шаг, какая
Окрест природа:
Воздух неземной
Течет по небесам
Родного края.

И отвечал прохожий:
— Скоро снег.
Мир сравнивал и я,
Бывало, с песнею.
А вот теперь
Уж оформляю пенсию.
Не до восторга мне,
Мил человек.

И спала с глаз
Волшебная завеса.
Я жизнь читал
По старому лицу:
Два тополя
У зданья горсобеса
Не то, что просто
Дерево в лесу.

Какая грусть по всем садам
Таится в ясную погоду.
Счет времени не по годам,
А по единственному году,
Который вот он,
Тронь рукой —
И паутинка золотая
Взмахнет крылами
и растает...
Какой сентябрь!
Сентябрь какой!

Талицкое озеро

Вдруг нахлынет, как волна, как прибой,
Эхо дальних дней, коснется меня.
И уже ведет легко за собой,
Как бажовская девчонка маня.

Было озеро, и нету следа,
Лишь в молве людской хранится давно.
Отступило в глубь земли навсегда.
Отступило... Но живуче оно.

Там, у озера, бурьян и пырей,
А над ними облаков зелен цвет.
Эта плотная стена тополей
Так и видится за множеством лет.

Я там странствовал на утлом плоту,
В камышах протоки ох холодны.
Жизнь с нас дорого берет за мечту,
Но дороже — за минувшие дни.

Запах сена

Запах сена,
 он забываем;
Сеном сеновалы
 забиваем.
На весу
 шевелиются травинки,
С них бегут
 зеленые кровинки.
И навильник
 дышит тяжело —
Вбок меня немного
 повело.
Бродит запах
 по всему двору,
До чего же сладок
 на ветру!
Спал я в сене
 даже белым днем
Удивленным
 и бесценным сном.
С той поры,
 как дома жить не стал,
Так я больше
 никогда не спал.

Еще с токов
Не вымели полову,
Еще от жаток
Степь не отошла.
А осень тут как тут —
Костер смолевый
Уже на всю округу
Развела.

И с каждым днем
Горят деревья жарче,
От ярких красок
Хоть глаза прикрой.
И на боярке,
Точно на боярышне,
Рубиновые камушки
С искрой.

Я все острее сознаю,
Что не любить мне невозможно
Поселки, доли, бездорожье
В моем потомственном краю.

До смертной тяжести в глазах
Мне суждено здесь полнить душу
То песней, найденной в лесах,
То болью, рвущейся наружу,

Из родников студеных пить...
И каждый день за это славить
Тот край, что в горе не оставить,
А в радости не позабыть.

Городу Асбесту

Слева лес, а справа горы
И карьер вдали дугой.
Я тебя, горняцкий город,
Не сменяю на другой.

Под твоей сиренью сладкой
Вырос я. А годы шли.
Целовался здесь украдкой
С лучшей женщиной земли.

Сколько мне осталось жизни?
Будет радость и беда.
Город мой — моя отчизна
И отрада навсегда.

Голубые бродят зори,
Электричек перестук.
И дрожит слеза во взоре,
Появившаяся вдруг.

Ничего я так не жажду —
Пусть его минует зло.
В этом городе однажды
Мне с рождением повезло.

Пролетарки

*...Сквозь эти женские лопаты,
как сквозь шпигрутенны иду.
Ярослав Смеляков*

Мне этот труд знаком не понаслышке.
В семнадцать лет, совсем еще мальчишка,
Я здесь работал до седьмого пота —
Тяжелая, вам доложу, работа.

А женщин — подавляющий процент,
Состарившихся до поры, до срока.
Богата ими русская дорога —
На том особо делаю акцент.

Для них, как для солдатского наряда,
Не существует ни пурги, ни града.
Уходят к югу или на восток,
Взвалив на плечи тяжкий молоток.

Меняются разъезды и вокзалы,
Пути конца и края не видать.
Железною дорогу мы назвали,
А как их, женщин, надо называть?

Они такого стоят уваженья,
Что меркнут все глаголы и спряженья.
Не одному мне горестно бывает,
Когда международный прибывает.

Досужие туристы, млад и стар,
Стремясь заполучить эффектный кадр,
Наводят объективы лучших марок
На истинных советских пролетарок.

Черт синими, с иностранцами, мы сдюжим,
Но дай дожить, технический прогресс,
До дня, когда стране не будет нужен
Труд женщин на дорогах МПС.

Корни

У кладбища картофельное поле.
На кладбище — рядом моя родня:
Отец,
Два старших брата,
Тетка Поля...
Не сосчитать тех,
Кто любил меня.

А я сажаю здесь картошку, помня
Улыбку их,
Походку их
И рост.

Так помнит
Молодой подлесок корни
Деревьев,
У которых он возрос.

Встреча

По твоей, по моей ли вине
Нет во встрече волненья и смуты.
Заурядно торопим минуты,
От чего они дольше вдвойне.

Вышло что-то не так, вперекос,
Годы с верстами перемешались.
И под сердцем — притихшая жалость
И невысказанный вопрос.

Как привет отзвеневших ключей,
Чистый снег в переплетах оконных.
Каждый год прибавляет знакомых.
Каждый год отнимает друзей.

Едва лишь выйдешь
Утром на крыльцо,
Увидишь,
Как зима агонизирует.

Над рыхлым снегом
Грязь иронизирует,
Сжимая наступления
Кольцо.

На что уже
Запечные сверчки
И те стрекочут,
Что зима кончается.

И верба изможденная
Качается,
В набухших почках
Чувствуя толчки.

Кому-то, может, сосны только слово,
Кому-то смоль, крупянки меж ветвей.
А мне напомнил снова
Лес сосновый
Улыбку тихой матери
Моей.

Еще год сорок с чем-то, тяжелейший.
Еще и хлеб по карточкам у нас.
И я, пацан, от счастья ошалевший,
Смотрю на маму словно в первый раз.

Она тогда
После болезни тяжкой
Сосенку посадила
У окна.
И звали мать Наташей
И Наташкой.

...Совсем недавно кончилась война.

О Красной книге

Известно всем, что сон-трава редка.
А ландыш, а кувшинка в платье белом?
Ужели не сорвать теперь цветка,
Чтоб не прослыть законченным злодеем?

А как мы рвали их! И сколько лет!
Цветов, казалось, на земле немало.
Ну что ж, картошка, набирай свой цвет,
Пока тебя не занесли в анналы...

Все. Конец навигации летней.
Зародилась шуга на реке.
Как воробышек, лист последний
Притулился на мокром сучке.

В тишине было столько соблазна
Оробевшей от стужи душе,
Но на осень она не согласна,
А над летом не властна уже.

Последняя просьба старшего брата

Что лукавить мне с самим собою:

Чуда нет,
не будет —

И не жди.

Я во многих побывал забоях,

А теперь последний —

Впереди.

Вот закончу жизнь, и — слава богу,

Не забудьте просьбу, мужики, —

Пусть меня в прощальную дорогу

Провожают взрывом рудники.

Не сочтите сказанное слово

За желанье почести большой.

Это для мамани —

будто снова

Ухожу в забой

очередной.

Следы

С утра надеваем валенки,
Бредем с удивленной душой:
След у ребенка маленький,
А у меня большой.

Мой сын в ожиданье чуда;
Лишь начата жизнь, потому
Ему не страшна простуда
И смерть не страшна ему.

И видится — снегу навалено
За временной межой:
След у меня маленький,
А у отца большой.
Большой оборвется вскоре,
А малому — долгий путь...

Следы наши в чистом поле
Снежком замечает чуть.

К портрету отца

Были руки у мужика —
Дом отгрохали на века.
Было много сердечных сил —
Пятерых сынов одарил.

Был колючий, но ясный взгляд
У бойца фронтовых бригад.
Он в рябиннике под звездой
В телогрейке спит наградной.

Рабочим военного года

Вроде бы каникулы не скоро,
А дворы раздуло от ребят.
Вспыхивают,
Как бездымный порох,
Мирные припевки
Воробья.

Травы старый парк облюбовали.
В огородах снега не видать.
Вот и снова зиму миновали.
Вам еще бы голод
Миновать.

Закружило, запуржило —
Не унять.
Наступает на Урале
Благодать.

С октября и по апрель
Снега, снега.
Бродит ветер, скрип да скрип
Его нога.
По-особому и мыслишь
И живешь.
Ты тревожь меня, метелица,
Тревожь!

В двух шагах родной порог
Не угадать.
Наступает на Урале
Благодать.

Снежный свет

Уже в четыре дома тёмно.
Зима старается всерьез.
Ночь опускается огромно
На плечи худеньких берез.

И вдруг твоя
Мелькнула шаль —
От вспыхнувшего снегопада
Такая светлая печаль,
Что лампу зажигать
Не надо.

Николаю Никонову

Одни пить водку научили,
Гостеприимен их порог.
Другие денежку копили,
И это тоже был урок.

Но были третьи, у которых
Лишь воду пил, не лез в долги.
Там самых лучших мыслей порох
Перетряхнул мои мозги.

Учителя, вас помню, ибо
Один другого дополнял.
Во всяком случае спасибо
За стыд, что я не потерял.

Мне печалиться причина одна —
Появилась у тебя седина.

Прядь белее, чем яблони цвет,
И теперь она застит мне свет.

Спохватился: да тому я виной —
Потому и мечен сам сединой.

Жалеючи сказала: — Свет не клином,
Ты молод, по себе еще найдешь...
И от волос ее пахнуло тмином,
Как летом на лугу в хороший дождь.
Был этой взрослой жалостью сражен,
И не хотелось больше женской ласки.

Вот память, мне семнадцать, я смешон,
Кончалось лето, обрывались сказки...

Ода воробью

Хвалу вам, соловьи, и я пою,
Кто не оценит вашего усердства!
Но с каждым годом все теплее сердце
К незначительной птице — воробью.

Он, серый, голодает целый век.
Бесстрашно холодает временами.
И с кошками знаком и, между нами,
Живет как настоящий человек.

Всё вытерпев и все презрев угрозы,
Не изменяет родине своей.
Послушай, как он звонок средь ветвей:
Знак подает, что кончились морозы.

Предок

Под какими сгнившими крестами
Ты лежишь
По воле палача,
Дальний предок,
Заводской крестьянин,
Гулеван из войска
Пугача?

Или, может, ты,
Обласкан барами,
Лил чугуна
На ядра и стволы,
Чтоб они
Во славу государыни
Бунтарей на плаху
Возвели?
И продлилась долго
Жизнь унылая?

Нет, я в это
Верить не хочу.

Не могла бедняцкая фамилия
Не прислать подмоги Пугачу!

Февраль

Гале

Как в доброе старое время,
До света вскочив, молодой,
Березовых плашек беремя
Я нес из сарая домой.

По чистому снегу шагая,
Я весело думал о том —
Вот встанет моя дорогая,
А я хлопочу за столом.

И так она мне улыбнется,
Что сердце мое обомрет.

Хоть на день
К ней юность вернется
И мне мои годы
Вернет.

Шестидесятые

Вот и в жизни моей настает
Этот день, когда старое танго,
Как внезапно открытая тайна,
Прямо по сердцу вдруг полоснет.

Это юность далеких времен,
Это шестидесятые, лето,
Танцплощадка, куда без билета
Норовил пацанов легион.

Это девочка в платье из ситца,
Это Мишки Борисова сакс,
Это музыка только для нас
И природного цвета ресницы.

Мы с тобою проходим по кругу,
Подражая героям кино.
Танго это забыто давно.
Стой же, как тебя звали, подруга?

Истоки

Чем дальше я иду,
Тем ближе я к истокам,
К тем временам жестоким,
Откуда счет веду.

Мой дядька: бравый вид,
В линиялой гимнастерке...
Казалось, Вася Теркин,
А был он инвалид.

А сколько их, калек,
Совсем еще не старых,
Приткнулось на базарах,
Мы помним сей ковчег.

Теперь почти их нет.
А льготы, что им дали,
Немного запоздали,
И дядька мой отпет.

Не в этом, ясно, суть;
Что льготы, если тело
В огне войны сгорело,—
Погибших не вернуть.

О, дольше, жизнь, продли
Святую боль истоков,
Омытых кровью сроков,
Откуда мы пошли!

Осенние сады

Осенние сады.
Особые приметы —
Отставшие от лета
Последние плоды.

Восходит пряный дым.
Прощальная дорога.
На хворосте немного
Давай-ка посидим.

Давай-ка поглядим
На этот дым летучий.
Простим на всякий случай
Друг другу всё, простим.

Замочет дождь следы,
Не ведая оглядки.
Как горестно, как сладко —
Осенние сады.

Мальчик

Этот мальчик, на меня похожий,
Так бежит по лугу вдоль межи,
Что мурашки
У меня по коже,—
Не спеши, дурашка,
Не спеши!

Больше это все не повторится.
Не жалею о том, душа моя.
На давно прочитанной странице
Открываю книгу бытия.

Что я вижу
На листе поблеклом?
Детства
Затуманившийся след?

Связь ищу
Меж тем и этим летом.
Зелен луг
И красен горчицвет.

В зарослях крапивы и малины
Отрочества незабвенный час.
Как же все-таки
Неумолимо
Время,
разделяющее
нас!

Пес слизывал с крылечка снег.
Рычали «МАЗы» дальние.
Решился все же человек
Прервать свои страдания.

Жена ушла тайком, как вор,
Покончено с любовью.
Он взял ружье, шагнул во двор,
Чтоб дом не пачкать кровью.

От думы тягостной горбат,
Курнул в последний разик.
На чёрта всё теперь — и сад,
И дом, и новый «газик»!

А пес, вздыхая нелегко,
Лез под ноги, придурок.
Пимом хозяин глубоко
Засунул в снег окурок.

А пес теребит за рукав,
Язык трепещет ало.
Мол, можешь помирать, гав, гав,
Но накорми сначала.

И человек под нос бубнил:
Сыскал себе заботу...
К семи он псу жратву сварил
И сразу — на работу.

Ломают дом.
Пыль горло обожгла.
Я здесь родился
На восходе лета.

Здесь каждый гвоздь —
Особая примета.
Здесь мама нам
Оладушки пекла.

Как водится
Меж добрыми людьми,
Мы жили здесь
Светло и необидно.

Ломайте поскорее,
Черт возьми,
Пока кругом народ
И плакать стыдно.

Ты, конечно, до сих пор красива.
Почему об этом ты спросила?

Осень?

Ну и пусть.

Она права.

Даже время не таит

Ответа —

Не желтей зеленая трава,

Нам и не узнать,

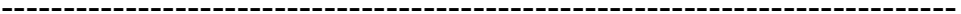
Что было лето.

У октября не из веселых нрав.
А с ним и мысли вызрели иные.
Гостеприимства принципы поправ,
Гоняет ветер листья жестяные.

Какая ясность в рошицах сквозных!
В них даже эхо менее сурово.
И замирает на губах моих
Еще никем не сказанное слово.

Выпадет нечаянная радость —
Даже ночи темные светлы.
Прошлые провинности не в тягость,
Будущие дни не тяжелы.

Боже мой, да все на свете просто! —
Осенит внезапно и легко,
Будто бы я вдруг прибавил в росте:
Видится далёко-далеко.

Урок

Меня учили: вредно
Соваться наперед.
Меня учили: время
Всему свое придет.

О если б знать заране,
Чем плох такой урок,
Учителей старанья
Пошли бы мне не впрок.

Но было это, было.
За это и плачу —
Я сам теперь уныло
Детей своих учу.

Избегнув тем «запретных»,
Твержу который год:
Всему наступит время,
Не суйтесь наперед.

Это марта мотивы.
У завода, гляди,
Как Петровы mortarы,
Залпом ухают льды.

Воробьишко куражится,
Тычась в свежий навоз:
— Я-то ожил, сограждане,
Вам желаю того ж!

И пробил громкий час

И было мне дано все то, чего хотелось,—
Работа и любовь, скитания и смелость.

На двадцать лет моих несметное богатство.
И не было причин грядущего бояться.

Слетал озябший лист и новый нарождался.
Не ждал я тридцати, но тридцати дождался.

И пробил громкий час со вздохом потаенным.
А я считал, чудак, себя еще зеленым.

И пробил час другой, удар сухой и строгий.
То год сороковой маячил на пороге.

Вот так-то, нечем, брат, особенно гордиться.
Имел я все, да смог ли всем распорядиться?